

В.А. ГОНЧАРОВА

МЕТАКУЛЬТУРА: МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ?

М.Н. Эпштейн

кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: v-goncharova@yandex.ru

ного образования. Межкультурный диалог можно, в целом, декларировать как процесс индуктивного взаимозависимого смыслотворчества в условиях разрушения ожиданий и предзаданностей на границе культурных сред, катализатором в котором является сознательное усилие личности коммуниканта. Результатом и состоянием такого диалога может выступать метакультура как состояние эволюционирующего сознания, при котором преодолевается «прерывность» культуры, обусловленная национальной идентификацией. В ходе обобщенно-сопоставительного анализа существующих теорий метакультуры (С.Е. Ячин), интеркультуры (В.А. Беляев), транскультуры (М.Н. Эпштейн), третьей культуры (Ф. Карснир), выявляется их комплементарный характер, синергизирующий особое понимание культуры в условиях межкультурного контакта как основанной на само- и взаимосоиздающей эволюции коммуникантов и, как следствие, достигающей метауровня субъективации культурной идентичности, позиционирующей

щей себя как объект размышления. Метакультура определяет целеполагание лингводидактики, помогает осуществить отбор компонентов содержания межкультурного иноязычного образования. Перспективы дальнейшего развития идеи метакультуры в контексте межкультурного иноязычного образования, однако, представляют определенный научный вызов.

Ключевые слова: метакультура, интеркультура, транскультура, третья культура, межкультурное иноязычное образование, межкультурное общение, межкультурный диалог.

Для цитирования: Гончарова В.А. Метакультура: модель будущего межкультурного иноязычного образования? // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 88–94.

Вызовы глоболизирующегося коммуникативного пространства обуславливают индивидуальное стремление объять смыслы вводимых инноваций и обобщить их совокупно в единой концептуальной картине. В основе настоящей статьи лежит подобное стремление начертить своего рода контурную карту новых пределов понимания ареала межкультурного иноязычного образования. При этом особого внимания заслуживает то направление обзора, в рамках которого понимается сама сущность межкультурной коммуникации.

В ходе «естественного отбора» культурособразных подходов к иноязычному образованию жизнеспособным в настоящее время стал межкультурный, синтезировавший квинтэссенцию предшествующей концептуальной эволюции. В целом межкультурный подход можно определить как направленный на постижение/достижение сущности равновесия коммуникации с позиции вовлеченного носителя культуры на основе осознаваемого паритета культур личностей коммуникантов.

Обусловленное реалиями современного мира межкультурное измерение иноязычного образования экстраполируется на все составляющие лингводидактической системы. Однако примиряет ли это измерение все реалии современного процесса межкультурной коммуникации? К таким реалиям можно отнести следующие:

- ◆ *celebrating diversity* — основополагающий интерес к межкультурным различиям и переживанию нового в условиях глобализации;
- ◆ наличие опыта межкультурного общения как единицы измерения;
- ◆ диалог культур в контексте диалога цивилизаций;
- ◆ ситуация полилингвизма (поликультурности);
- ◆ поликультурность, осмысляемая как равновесие культур;

- ◆ трансцендентный характер культуры как открытого существа;

- ◆ межличностная основа коммуникации;

- ◆ самонаправленность личности в коммуникации как пространстве личностной эволюции;

- ◆ вовлеченность личности как субъекта коммуникации в диалог культур (insider's view);

- ◆ перенос акцента с межкультурного характера общения на межличностный;

- ◆ тенденция к ускорению процессов интеграции в условиях Интернета как новой сферы экзистенции культуры;

- ◆ феномен «глобального кочевника», «гражданина мира».

Собирая в фокусе большинство из этих реалий, межкультурный подход к иноязычному образованию ориентирован на осмысление бытийности человека как личности в контексте (меж)культурной деятельности (коммуникативной). Однако, учитывая упомянутые реалии межкультурного общения, личности в рассматриваемом межкультурном измерении, подчас можно попасть в «черные дыры» того, что не подвергается излишнему осмыслению, будучи, якобы, понятно само по себе. Это и составляет проблему. Так, понимание самой сущности межкультурного общения в рамках такого подхода может быть двояким, точнее двуслойным: поверхностным и глубоким. В поверхностном плане результат и процесс межкультурного общения часто отождествляют с феноменом глобальной культуры. Солидаризируясь с рядом ученых, мы указываем на то, что в своей «глобальной» ипостаси в самом общем смысле культура манифестирует себя на уровне «общепонятности», где существует фоновое, не рефлекслируемое, согласие относительно базовых экзистенциалов. В контексте массовой культуры личность на этом уровне выступает в качестве агента безличных информационных потоков, запущенных в не рефлекслируемое (а потому и не личностное), тиражируемое пространство наднациональной коммуникации, где главным принципом действия является инерция мышления. Едва ли в этом контексте приходится говорить о личностной эволюции.

Приняв на себя ответственность сознательного усилия идентифицировать себя в личностном и национальном планах, участник межкультурного общения может занять личностную позицию, главным принципом действия с которой будет, по мысли С.Е. Ячина, акт самореферирования (самоописания) [1; 2]. На принципе самореферирования настаивает и русско-американский мыслитель М.Н. Эпштейн, определяя этот принцип (в его терминологии это — «самотрансгрессия») как осознание ограниченности собственной культуры [3]. Действительно, основой межкультурной коммуникации является ситуация столкновения с Иным на границе культурных сред,

в результате чего происходит своего рода «трение» набора идентификаций одной личности с аналогичным набором другой. Эффект такого «трения» обуславливает потенциальную возможность для развития, как результат всякой диалектической интеграции. Как отмечает С.Е. Ячин, сохранение и развитие личностной идентичности в данном случае возможно при условии поддержания ею давления изнутри равным (или большим) давлению извне [1]. Иными словами, речь идет об особом состоянии, переживании личностью культуры. Такое состояние есть уровень личностной культуры, в котором происходит обсуждение процесса и результатов смыслотворчества и последующая личностная адаптация в ходе коммуникации.

В связи с этим уместно уточнить само понимание коммуникации. Обобщая известные истины, Ф. Карснир, американский исследователь понятия третьей культуры, еще раз убедительно реконструирует формулу коммуникации, которая есть процесс взаимного смыслотворчества (*negotiating meaning*) в сложных социальных структурах взаимодействия [4]. При этом данный процесс описывают три характеристики. Во-первых, коммуникация есть не столько продукт социализации, сколько причина ее, то есть в ходе коммуникации осуществляется организация и построение смыслов, личностно значимых для ее участников в плане их развития и расширения мировоззренческой палитры. Иначе говоря, коммуникация в этом смысле есть увлекательное открытие. Во-вторых, поскольку продуктивная коммуникация (межкультурная, в частности) опирается на отсутствие предзаданной системы нормативно-ценностных предписаний, такое общение основывается на непредсказуемости, спонтанности развития сценария в условиях асимметричных систем ценностных координат. Здесь Ф. Карснир ссылается на теорию хаоса, на которую проецируется межкультурная коммуникация. Понятие «хаоса» здесь предполагает, с одной стороны, значительные флуктуации смыслов и, как следствие, разрушение уже существующего, «предзаданного», а с другой — необходимость сознательного усилия для восстановления утраченного равновесия и, стало быть, возможность реструктурирования, обновления, нахождения новых смыслов личностной онтологии, открытий. Таким образом, межкультурная коммуникация всегда сопряжена с необходимостью и возможностью адаптации личности к изменениям. При этом исследователь настаивает на оптимистичном выводе о том, что человеку присуща способность так или иначе гармонизировать сбой в системе его общения с миром, упорядочивать хаос. Наконец, в-третьих, коммуникация всегда ориентирована на развитие, динамику, и в лучшем и наиболее распростра-

ненном случае речь идет об эволюции сознания отдельной личности. В результате сознательного усилия для упорядочивания хаоса личность «апробирует» свою естественную способность достигать творческий компромисс, делать открытия и творить собственные, в определенном смысле формируя и редактируя собственную систему этических ценностей. Так возникает новое измерение коммуникации в межкультурном аспекте — творческое.

Таким образом, межкультурный диалог есть процесс индуктивного взаимозависимого смыслотворчества в условиях разрушения ожиданий и предзаданностей на границе культурных сред, берущий инициативу по упорядочиванию возникающего смыслового хаоса в истоках сознательного усилия личности коммуниканта, совершающего творческий компромисс и стремящегося к скорейшей адаптации (в том числе ценностной) в ситуации неопределенности. При этом творческая, адаптивная эволюция является условием и следствием такой коммуникации. Личность коммуниканта, «включенность» его сознания, как следствие, является средоточием всего процесса. Но не лежит ли второй уровень межкультурного общения в сфере неосознаваемого самих участников коммуникации?

Смыслосистема межкультурного общения как состояния личности нуждается, на наш взгляд, в очередном уточнении. Все еще не попадая в фокус яркого освещения исследователей, на среднем плане научного осмысления данной тематики в настоящее время существует ряд понятий, пробуждающих всё больший интерес на фоне происходящих в мире социальных процессов. Речь идет о системной попытке концептуализировать новое, расширяющееся, измерение межкультурного общения и культуры личности в нем. Одним из наиболее красноречивых терминов выступает термин «метакультура», семантически предполагающий новый уровень (над-уровень) осмысления культуры в глобальном масштабе. О проявляющемся интересе к данному вопросу свидетельствует терминологическое разнообразие, предлагающее ряд «конкурентов» метакультуре: транскультура, интеркультура, третья культура. Рассмотрим данные термины.

Обоснованное понятие «**транскультура**» введено М.Н. Эпштейном в качестве альтернативы «нового поколения» понятию «мультикультурализм» [3; 5]. Развиваемая С.Е. Ячиным в контексте метакультуры идея культурных границ, близка М.Н. Эпштейну. По мысли ученого, культурные границы, разделяющие личностные идентичности, предлагают потенциал для раздвижения собственных границ личности, ее мировоззренческих горизонтов. В то же время культура как существо интегративное имеет потенциал для преодоления таких барьер-

ров (*transcending*). Поэтому необходимо уточнить, что граница понимается ученым положительно, как то, что дает возможность взглянуть на себя со стороны, тогда как барьер — в негативном смысле, как то, что препятствует сближению. Опыт такого сближения М.Н. Эпштейн мыслит как «динамику взаимодействия со своей национальной культурой и опыт вырастания из нее», что предполагает «позицию отстранения, «внезаходности» по отношению к существующим культурам и процесс преодоления зависимости от «своей», «родной» культуры... Транскультура выявляет нереализованные возможности... в культурах и создает новую символическую среду обитания на границах и перекрестках разных культур» [цит. по: 5, с. 343].

Крайне важным здесь является осознание ограниченности каждой и собственной культуры — качество, называемое ученым «трансгрессией». Именно это качество, как отправная точка путешествия в «межкультурье», обуславливает возникновение опыта, состояния преобразования собственной культуры. Национальная культура коммуниканта и связанная с ней идентичность должны быть проникнуты смирением, т. е. сознанием своей ограниченности. М.Н. Эпштейн обосновывает принцип критической универсальности («согласие на мирное разногласие») как возможность на критической основе прозрения других культур, потенциально заложенных в собственной личности. Иными словами, личность имеет потенциал для раздвижения границ своей идентичности, может вобрать в себя опыт бытия иной идентичности, будучи гибкой и смиренной. Такая личность — транскультурная личность — близка концепции проектно-брендовой личности Г.Л. Тульчинского, на что указывает С.В. Акопов, исследующий работы М.Н. Эпштейна [5]. Личность с точки зрения такой проекции предстает как проект или серия проектов, обусловленных глобализованным миром и заменяющих в определенном отношении идентификацию. Диффузия культурных идентичностей и, как следствие, диффузия содержательного наполнения ценностных систем становится характерным признаком межкультурного общения на уровне транскультуры, которая есть «сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур» [цит. по: 5 с. 343].

Симметричным представляется обоснование теории **интеркультуры**, разработанной В.А. Беляевым [6]. В его концепции культура, маркируя онтологический ареал социума, манифестирует свою ценностную основу, которая является принципом ее бытия. Сценарий современной нам глобализации есть, по мысли ученого, отражение интеркультуры глобального мира. Сближающиеся идентичности в этом сценарии вступают

в борьбу своих ценностных систем — специфических и общечеловеческих, причем борьба эта рано или поздно обречена обернуться торжеством общечеловеческих ценностей, присущих «человеку вообще», а не «человеку религиозному», «человеку этническому». Каждая сторона имеет свою особую стратегию преодоления борьбы ценностных систем: вероцентристскую (или сверхценностную) и рациоцентристскую (доценностную). Системы специфических ценностей, стремящихся к разнообразию и сложности систем социальных, неминуемо, по мысли ученого, должны быть ограничены, обузданы «интерсубъективным порядком вещей», который только и призван объективировать то, что неуловимо, поскольку субъективно. Общечеловеческие ценности как основа и принцип мирного сосуществования образуют доценностную стратегию, т. е. ценности настолько очевидные, что оценивание их излишне (при этом В.А. Беляев указывает на их материалистичную направленность). Именно общечеловеческие ценности отвечают на вызов, брошенный системами специфических ценностей, когда они достигают, как выражается ученый, предела реализации своей сверхценностной стратегии. Иными словами, общечеловеческие ценности обуславливают гармонизирующее начало (оно же завершение) процесса глобализации.

Любопытно отметить циклический характер такой глобальной (интерсубъективной) культуры, для которой характерны как периоды отграничивания, субъективации составляющих ее микрокультур и индивидуностей, так и периоды наращивания своего рода общего фундамента, сплачивающего все частности в единство, скрепленное общечеловеческими ценностями. Поэтому интеркультура, основанная на общечеловеческих ценностях и доценностной стратегии преодоления борьбы ценностных систем, одерживает естественную победу при условии интеркультурного «справедливого и законного принижения человеческого духа» [6, с. 38]. Такое условие очень созвучно концепту «смирненной идентичности» М.Н. Эпштейна, преодолевающей (трансцендирующей) культурные границы в безграничную универсальность. «Критическая универсальность» трансцендирующей личности у В.А. Беляева превращается в возвращение субъективного представителя социокультурного пространства к корням общечеловеческих «очевидностей» (термин В.А. Беляева) под давлением маятника культуры как существа почти органического.

Таким образом, согласно В.А. Беляеву, война культур обуславливает возможность выхода в новое социокультурное состояние, разделяемое уже не личностно, но «общеколлективно» на основе общекультурных ценностей, как предельно объек-

тивированных, некогда субъективных фрагментов общего мировоззрения. Интеркультура в рамках его концепции есть состояние стремящейся к объективированности (будучи присущей многим) новоевропейской культуры, соединяющей в единое социокультурное пространство множество своих идентичностей в рамках доцентристской стратегии преодоления борьбы ценностных систем. Отметим, что под объективацией имеется в виду осмысление основ жизнедеятельности человека в социуме, т. е. сознательное усилие, предпринятое на индивидуальном уровне, по умиротворению борьбы ценностных систем, войны культур. Однако такая объективация носит ограничительный характер по отношению к самореализации интеркультурной личности, в отличие от транскультурной.

В результате обобщения концепции В.А. Беляева представляется возможным сформулировать следующие принципы интеркультуры:

- ◆ взаимодействия культур как борьбы ценностных систем;
- ◆ естественного торжества общекультурных ценностей как основы умиротворения ценностных систем;
- ◆ цикличности развития общецивилизационной культуры как смены торжества ценностных систем (специфических и общечеловеческих);
- ◆ ограниченности самореализации интеркультурной личности в целях умиротворения борьбы ценностных систем.

Похожее развитие идеи об эволюции личности на границе культурных сред представлено в теории третьей культуры как феномена в контексте межкультурной коммуникации. Одним из исследователей, обосновывающим это понятие, является Ф. Карснир [4]. По его мнению, **третья культура** может быть определена как процесс коммуникативного взаимодействия в ходе совместной организации и построения непредсказуемого, но адаптивного межличностного пространства. Принципами такого взаимодействия являются:

- ◆ принцип естественной устремленности личности к упорядочиванию, гармонизации хаоса (как результата столкновения с Иным) посредством сознательной адаптации к новым смыслам общения (предварительно выявленным — *negotiated*);
- ◆ принцип личностной эволюции как результат упорядочивания «хаоса» межкультурного общения;
- ◆ принцип рассмотрения личности как некой субкультуры, способной к эволюции.

Интересно отметить, что в контексте этой теории идея культурных границ субъективируется в самих личностях как своего рода субкультурах, формирующих органический (т. е. подверженный нестабильности и развитию) характер коммуникации как таковой.

Наконец, понятие «**метакультура**» также является рядоположенным. Термин введен в научный обиход С.Е. Ячиным [1; 2]. Ключевым положением этой теории на основе анализа работ ученого представляется уже знакомая идея о творческом развитии личности в результате ее сознательного усилия по сохранению (а стало быть, и по эволюции) собственной идентичности на границе культурных сред. Эффективность рефлексии при этом зависит от «искусства проведения границ между личностями» как предпосылки взаимного творческого соразвития. Высказанная в контексте теорий транскультуры и третьей культуры идея о взаимозависимости, сопричастности личностей в процессе межкультурного диалога, который превращается уже в диалог межличностный, причем диалог творческий, также присуща этой теории. Метакультура есть «выход и прерывание логики культурной формы, но так, что заботу о сохранении этой культурной формы берет на себя личность, обогащая содержание культуры своим творческим даром» [1, с. 240].

Таким образом, особо важным представляется необходимость акцентировать тезис о метакультуре, не как о качественно новом субстрате, «благоприобретенным» личностью в ходе взаимообмена смыслами, но как о состоянии исходной культуры коммуниканта — состоянии сознательной открытости для взаимного смыслотворчества. По словам С.Е. Ячина, метакультура есть «состояние современной культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором рефлексивно проясняется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности» [1, с. 240]. Анализ теории позволяет предположить, что в качестве принципов метакультуры можно назвать:

- ◆ принцип рефлексивного отношения к инаковости Другого как потенциальной возможности для взаимного соразвития;
- ◆ принцип бережного отношения к границам между личностями, этносами, нациями и искусству их возведения;
- ◆ принцип творческого дара как вклада личности в развитие своей культуры и культуры вообще.

Итак, каждая из приведенных интерпретаций глубинного (т. е. личностного) уровня межкультурной коммуникации подчеркивает принципиально однозначные контуры концептуальных положений, имеет явные общие границы своих смысловых сред. Положенная в основу всех теорий идея о возможности творческой эволюции личности, ответственной за этот процесс в ходе межкультурного общения, безусловно, расцветивает палитру мнений о межкультурном диалоге как о пространстве конфликтов и непонимания в оптимистично-светлых тонах. Общей для всех теорий является идея о «растяжимости» культурной идентичности личности, ее, в некоторой степени, всемогуществе при

условии сознательного усилия. Более того, личность, обычно очерченная контуром собственной национальной культуры, приобретает метауровень своего внутреннего измерения, что потенциально обуславливает «редактирование» ценностных кодексов личности на новых, глобальных этических принципах. Личность конструирует свою идентичность на границе двух культур и не принадлежит ни одной из них. В частности, личность приобретает способность сознавать границы культур, т. е. иметь идентичность как объект размышления, а также уверенность в возможности эти границы раздвинуть — эволюционировать. Не имея принципиальных разногласий, эти теории, скорее, комплементарны друг другу, ориентируя исследователя на синергичное смысловое (концептуальное) целое. Так, принцип универсальности транскультурной личности, способной «дорости» до ограниченной идентичности собеседника, экстраполируя тем самым до и на него собственную систему ценностных координат, может быть дополнен позитивной убежденностью коммуниканта третьей культуры в возможности творчески гармонизировать такой процесс, возмущенный сбоем привычного бытия, раздвинуть препятствующие границы. Солидарное этой убежденности сознательное усилие интеркультурной личности преобразовать, трансформировать, умиротворить хаос борьбы ценностных систем выводит отдельную идентичность на уровень признания общечеловеческих ценностей как реальной основы сосуществования. Наконец, метакультура фокусирует такой безграничный процесс в рамках состояния, личностного переживания, при этом сам процесс раздвижения границ становится безграничным. Таким характеристикам, на наш взгляд, исчерпывающе соответствует понятие *мета* как наиболее точное выражение процесса расширения сознания, раздвижения границ понимания до всеобъятности.

Итак, обобщая существующие теории, можно определить метакультуру как состояние личностно рефлекслируемого смыслотворчества с позиции нахождения точки бытийного равновесия, адаптации к иной системе интерпретации ценностей, опыт личностного преображения при условии эволюционирующей идентичности в зоне культурной интерференции; состояние сознания, при котором преодолевается «прерывность» культуры, обусловленная национальной идентификацией.

В контексте межкультурного подхода к иноязычному образованию концепция метакультуры призвана реализовать связь между пониманием

сущности межкультурной коммуникации как объекта и условия обучения, реалиями современного глобализованного межкультурного пространства и, наконец, целеполаганием лингводидактики.

Однако, следуя неумолимому закону диалектики, всякое очарование постигает неизбежное разочарование. Осмысление потенциала метакультуры в иноязычном образовании ведет к возникновению ряда серьезных вопросов, ставящих под сомнение жизнеспособность этой концепции. Обозначим некоторые из них. Если метакультура есть субъективное переживание, то как управлять таким состоянием? Какова инструментальная база образования такой «личности в состоянии», тем более, что личность эта и вовсе представляет собой целый набор идентичностей? Как измерить состояние метакультуры? Каков содержательный инструментарий такого процесса в лингводидактическом аспекте? В условиях присущего метакультуре отсутствия опоры на предзаданную систему ценностей какова роль и характер реализации культурно-ценностной системы личности коммуниканта в ходе такого общения? Могут ли общечеловеческие ценности конституировать этот процесс и обеспечить его успех? Стоит ли говорить лишь о тех ценностях, которые призваны обеспечить лучшую адаптацию в межкультурном общении?

Разрешение этих вопросов имеет принципиальный характер для торжества идеи метакультуры.

Список источников

1. Ячин С.Е., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Метакультурное сообщество: встреча на границах культурных сред // Этносоциум. 2010. № 6. С. 232–241.
2. Ячин С.Е. Состояние метакультуры // Философия и культура. 2008. № 7. С. 126–139.
3. Эпштейн М.Н. Транскультура и трансценденция // И.М. Болотников. Только уникальное глобально. Личность и управление. Культура и образование : сб. статей в честь 60-летия проф. Г.Л. Тульчинского. Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2007. С. 90–102.
4. Carsnir F.L. Foundations for the Study of Intercultural Communication Based on a Third-Culture Building Model // International Journal of Intercultural Relations. 1999. Vol. 23, № 1. P. 91–116.
5. Акопов С.В. Конструирование российской идентичности: принципы транскультурной и критической универсальности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 341–356.
6. Беляев В.А. Интеркультура и философия. Москва : Ленанд, 2014. 336 с.

METACULTURE: THE MODEL OF FUTURE CROSS-CULTURAL FOREIGN LANGUAGE EDUCATION?

VICTORIA A. GONCHAROVA

Moscow City University, 4, 2nd Selskokhozyaistvennyi Driveway, Moscow, 129226, Russia
E-mail: v-goncharova@yandex.ru

Abstract. *Regarding the priorities of present day intercultural communication (the situation of multicultural contact, the dialogue of civilizations, interpersonal base of communication, the “global citizen” phenomenon, etc.), the article outlines the rationale of the necessity to consider metaculture as a conceptual framework (and its sequence) of intercultural dialogue and thus predetermined intercultural foreign-language education. Intercultural dialogue can be generally defined as an inductive reciprocal meaning-making process functioning to defeat expectancies on the borderline of cultural habitats, the catalyst being the personal awareness of the communicant. Metaculture, being the result and the state of this dialogue, is the state of evolving awareness aiming to bridge the gaps of cultural borders, conditioned by the cases of national identity. The article presents the comparative analysis of metaculture (S.E. Yachin), interculture (V.A. Belyaev), transculture (M.N. Epstein), the third culture (Fred L. Carsnir) theories to figure out their complementary character. Culture within an intercultural contact is thus interpreted as based on self- and co-constructing evolution of the communicants, which allows it to reach the meta-level of self-awareness of a cultural identity, postulating itself as an object of reflection. Metaculture determines the goal-setting and helps select the contents of intercultural foreign-language education. The prospects of further investigation of metaculture within intercultural foreign-language education, however, appear challenging.*

Key words: metaculture, interculture, transculture, third culture, intercultural foreign-language education, intercultural communication, intercultural dialogue.

Citation: Goncharova V.A. Metaculture: The Model of Future Cross-Cultural Foreign Language Education? *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 88–94.

References

1. Yachin S.E., Popovkin A.V., Bulanenko M.E. Metakul'turnoe soobshchestvo: vstrecha na granitsakh kul'turnykh sred [Metacultural Community: Meeting on the Border of Cultural Habitats], *Etnosotsium* [Etnosocium (multinational society)], 2010, no. 6, pp. 232–241.
2. Yachin S.E. Sostoyanie metakul'tury [The State of Metaculture], *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2008, no. 7, pp. 126–139.
3. Epstein M.N. Transkul'tura i transtsendentsiya [Trans-Culture and Transcendence], *Tol'ko unikal'noe global'no: Lichnost' i upravlenie. Kul'tura i obrazovanie* [Only Unique Is Global: Personality and Management. Culture and Education]. St. Petersburg, SPbGUKI Publ., 2007, pp. 90–102.
4. Carsnir Fred L. Foundations for the Study of Intercultural Communication Based on a Third-Culture Building Model, *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, vol. 23, no. 1, pp. 91–116.
5. Akopov S.V. Konstruirovanie rossiiskoi identichnosti: printsipy transkul'turnoi i kriticheskoi universal'nosti [Constructing Russian Identity: Principles of Trans-Culture and Critical Universality], *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Research Year-Book of the Institute of Philosophy and Law of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences], 2012, issue 12, pp. 341–356.
6. Belyaev V.A. *Interkul'tura i filosofiya* [Interculture and Philosophy]. Moscow, Lenand Publ., 2014, 336 p.